

Шахло Хошимова

Родственные души

16+

Шахло Тилавовна Хошимова

Родственные души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42677138

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ о превратностях судьбы, о взаимоотношениях людей из разных культур и о том, как часто совершенно незнакомые и чужие люди становятся в жизни самыми близкими и родными. На обложке рисунок Альбрехта Дюрера «Руки молящегося».

В оформлении обложки использовано изображение автора Альбрехт Дюрер «Руки молящегося» с <https://commons.wikimedia.org/> по лицензии СС0

Будильник звонит в семь часов.

Толиб по привычке просыпается раньше звонка, наблюдает за движением стрелки мерно тикающих часов, пребывает в задумчивости.

Хозяйка, привыкшая вставать до рассвета, уже шумно хлопчет по дому. Наконец, в семь часов тихо тикавшие часы просыпаются и звонят...

Толиб впервые вошел в эту квартиру вместе с отцом. Русская женщина лет семидесяти, с короткой стрижкой, видимо, раньше была полной, а к старости похудела и стала морщинистой, кожа на руках обвисла. Чувствовалось, что она была сама доброта, встретила их приветливо, заговорила по-узбекски. Рассказала, что потеряв мужа, с которым прожила пятьдесят лет, чувствовала себя одинокой, к тому же, у нее болели ноги. Дала объявление, что пустит квартиранта, который помогал бы ей по дому.

Высокий, худощавый парень, с большими выразительными глазами, задумчивым и спокойным взглядом, по натуре был застенчивым, молчаливым. Ему исполнилось семнадцать, он только поступил в институт, с первого взгляда понравился хозяйке. Его отцу старушка тоже понравилась. Они целый день ходили по городу из дома в дом, пока не оказа-

лись здесь. Отец Толиба знал русский язык, из уважения к пожилой женщине заговорил по-русски, но она сказала: «Вас двое, поэтому говорите на родном языке». У отца Толиба от этой учтивости поднялось настроение.

Хозяйка представилась как Софья Александровна. Толибу она сказала: «Ты можешь называть меня просто – тетя Соня».

После взаимных приветствий отец перешел к делу, объяснил старушке: хотя его сын и кажется взрослым парнем, все же еще молодой и зеленый. В кишлаке всегда был под его надзором, поэтому и в большом городе не должен оставаться без присмотра. Он хотел поручить сына надежному человеку, и если хозяйка не против и готова быть ему советчицей, воспитывать его, оберегать от всего плохого, то он ради этого денег не пожалеет. Тетя Соня, ласково глядя на Толиба, улыбнулась: «Давайте спросим у него самого, примет он это предложение или нет».

Толиб посмотрел на отца, улыбнулся, пожал плечами.

– Что он может сказать? – отец махнул рукой. – Будь его воля, познакомился бы с тремя-четырьмя сверстниками и жил бы в общежитии, как ему нравится. Он еще молодой, боюсь, чтобы не попал под влияние плохих людей.

Со времени этих событий прошло двенадцать лет. Толиб несколько раз серьезно ссорился с тетей Соней, пробовал жить отдельно. Но каждый раз возвращался назад, прося прощения. Тетя Соня зла не помнила, она знала, что у пар-

ня чистое сердце, и тут же прощала его. Причиной их раздоров было то, что хозяйка относилась к нему, как к своему ребенку, и как все матери, отчитывала и поучала. Точно так же, как и все другие сыновья, Толиб не хотел идти по той линии, что начертила мать, старался самовольничать. Тетю Соню это всерьез тревожило, она хотела, чтобы он следовал по привычной колее, не сбивался с пути. Хозяйка боялась, что произойдет что-то неотвратимое. И действительно, один раз Толиб сильно ошибся.

Он полюбил Наргизу, студентку с третьего курса. Естественно, тетя Соня сразу почувствовала, что у парня происходит в душе, сказала, что хочет познакомиться с девушкой. Толиб привел Наргизу в гости. Познакомились. После встречи хозяйка ничего не сказала, но и не возражала, чтобы Наргиза приходила к ним. Толиб секретничал с тетей Соней о Наргизе. Хозяйка молча выслушивала его душевные излияния, а потом давала советы, как себя вести.

Неожиданно тетя Соня резко изменила свое отношение к девушке, запретила ей приходить. Толиб удивился: что за черт попутал старушку?

– Тетя Соня, что случилось? – просил Толиб.

Вначале старушка только отмахивалась от него.

– Скажите правду, я не обижусь, – Толиб сел напротив и посмотрел ей в глаза.

– У вас есть поговорка: сомнения отлучают от веры. Поэтому я боюсь сказать тебе что-то, Толиб.

– Говорите, я пойму все правильно, тетя Соня.

После этих слов старушка призналась:

– Из кармана пропадают деньги. Я не могу сказать точно, что их взяла Наргиза, но кто это может делать, кроме нее? В последнее время никто ко мне домой не заходил.

Это было серьезное обвинение. Толиб расстроился. Но зачем было старушке врать? Вначале он промолчал, виделся с Наргизой только на улице. Как-то раз во время завтрака тетя Соня спросила его недовольным тоном:

– Ты продолжаешь встречаться со своей девушкой?

– Да, в свободное время, – сказал Толиб удивленно. – А что?

– Ничего... Просто спросила... – сказала старушка и отвела взгляд в сторону.

Толиб загорелся и стал допытываться:

– Тетя Соня, что вы хотите сказать?..

– Ничего...

– Если завели разговор, доводите его до конца, – сказал Толиб, горячась. – Что еще Вам сделала бедняжка?

От ядовитой иронии парня старушка завелась:

– Бедняжка? Ты думаешь, что это из-за того, что девушка не понравилась мне, я говорю о ее проделках? Нет, все иначе. Я думаю о тебе, не хочу, чтобы ты стал жертвой обмана. Ты не знаешь девушек. Не хочу, чтобы кто-то из них продел веревку через твой нос и водил туда, куда им надо. Вначале было подозрение насчет денег, я говорила то, чего не видела

своими глазами. Теперь же...

Какое-то время старушка, чувствуя, что Толиб любит девушку всей душой и что она бессильна перед его чувствами, не знала, как продолжить разговор. Оттого, что хозяйка вдруг замолчала, Толиб разозлился еще больше.

– Девушку, которую ты назвал «бедняжкой», я вчера видела в сквере.

– В сквере? И что она там делала?

– Прогуливалась с дружкой. Но это был не ты...

Какое-то время он пребывал в растерянности, хотел сказать: что вы такое говорите, на что намекаете? Он внимательно посмотрел на старушку. Ему показалось, что она отвела взгляд.

– Тетя Соня, чего вы добиваетесь?! Или я в ваших глазах бестолковый парень!? – завелся Толиб. – Вначале не видя, не зная, назвали ее воровкой. Сказали, пусть не приходит ко мне, я принял ваше условие... Как видите, не приходит. Но вы продолжаете клеветать.

– Это не клевета.

– Клевета! Я не верю вашим обвинениям... Никогда не будет так, как вы хотите. А еще запомните: совсем неважно, чтобы она нравилась вам. Главное, она нравится мне. И точка. Придет время, и я на ней женюсь!

– Люби, женись. Я не против. Только не на ней.

– Кроме нее, мне никто не нужен.

– Я дала твоему отцу слово. Поскольку я видела это сво-

ими глазами, то не могу молчать. Как я могу идти против совести? Я напишу твоему отцу.

Каждый раз, когда старушка чувствовала, что проигрывает в споре, ее козырной картой был отец Толиба. Поэтому парень чаще всего был вынужден подчиняться старушке. Но на этот раз Толиб не знал, что сказать, поэтому резко встал с места, пошел к дверям. Стоя на пороге, повернулся к тете Соне.

– Пишите. И о том, что Наргиза воровка, тоже напишите. Только вот что я вам скажу: никто не сможет повернуть меня с этой дороги, – его взгляд был холодный, под стать словам, отчужденный, не такой, как у ее дорогого Толиба.

Рассерженный Толиб собрал свои пожитки и в тот же день устроился в студенческом общежитии. Вначале он гордился своим поступком: «Давно нужно было сделать это, – говорил сам себе. – Как хорошо! Ни перед кем не нужно отчитываться: куда идешь, где был, почему рано уходишь, почему пришел так поздно... Живу в городе уже четыре года, а она все равно относится ко мне так, будто я все еще ребенок. Не дает свободно вздохнуть. Со всем этим еще можно было бы смириться, но то, что она начала вмешиваться в личную жизнь, этого я не потерплю! Вообще-то, она неплохой человек, но подозрительна сверх меры. Интересно, чем ей не понравилась Наргиза!? Ее обвинения не имеют никаких оснований. Неужели Наргиза будет чистить карманы пенсионерке?! Да я ни за что на свете не поверю этому. А то, что тетя Соня будто

бы видела Наргизу с кем-то в сквере— откровенная клевета. Старушка с трудом узнает людей за десять шагов. Да она перепутала ее с другой девушкой. У Наргизы никого нет, кроме меня. Если бы кто-то появился, я бы сразу почувствовал...»

В новой, свободной жизни он сколько хотел, столько виделся с Наргизой. Но иногда он невольно вспоминал наставления тети Сони. «Если хочешь лучше узнать человека, то наблюдай за ним, не упуская мелочей. Вот тогда поймешь, кто он такой», — говорила уверенно тетя Соня, у которой был наметан глаз на людей. Что касается Толиба, то он молча выслушивал наставления и всегда приходил к выводу: «Бедная старушка! Видимо, ей пришлось столкнуться в жизни со многими плохими людьми. Она совсем перестала верить окружающим...»

Но в последнее время Толиб, не отдавая себе в этом отчета, стал незаметно наблюдать за Наргизой, ее словами, поступками и пытался «докопаться», что лежит в основе ее манер и странных выходок. И вскоре он начал чувствовать, что незаслуженно обидел тетю Соню...

Есть такие полотна, которыми нужно любоваться издали. При ближайшем рассмотрении они теряют свою привлекательность. Видишь только, что краски разных цветов аляповато нанесены на холст, мазки грубые, неряшливые. Толиб как будто сумел увидеть всю картину в деталях, но не хотел пока в этом признаваться. Вернее, он изо всех сил упирался, не желая взглянуть правде в глаза, и по-прежнему обма-

нывал себя: «Может, я ошибаюсь и нахожусь под влиянием старушки, у которой уже старческий маразм?»»

Но причиной была сильная любовь к Наргизе, он не мог представить свою жизнь без нее. Наргиза, убедившись в его любви и преданности, поняла, что ей незачем притворяться и перестала скрывать свои пороки. Открыто, нисколько не стесняясь, творила зло. Мелкое воровство, о котором его в самом начале предупредила тетя Соня, давным-давно стало ее обычной привычкой. Если она хотела получить какую-то вещь, то легко присваивала ее. Хотя многие ворованные вещи ей абсолютно не были нужны. Толиб с ужасом понял: она воровала ради удовольствия. Хотя он внутри сильно страдал, но утешал себя мыслью: «Это пройдет, со временем она одумается и поумнеет», – слепо продолжал верить в это.

Как-то раз, когда они вернулись с вещевого рынка, Толиб увидел среди покупок помаду. Парень помнил, что Наргиза не сошлась с продавцом в цене, со злостью швырнула помаду. Когда он спросил, откуда она взялась, Наргиза рассмеялась: «Ты же видел, продавец меня разозлил. Я за это его наказала». Каждый раз, когда он сталкивался с подобными ее проделками, то испытывал шок. «Каким образом я могу помочь ей встать на правильный путь?» – ломал он голову.

Приближался Новый год. Как-то раз Наргиза пригласила Толиба к себе: «Моя соседка по комнате ушла. Приходи, вместе пообедаем». Только они пообедали, пришла Лола, соседка Наргизы. Толиб, чтобы не мешать девушкам, собрался

уходить. Он напрямик отправился в центральную библиотеку, чтобы готовиться к следующему экзамену.

Толиб вернулся в общежитие ближе к вечеру и не успел войти в дверь, как Ильхом, его сосед по комнате, накинулся на него с вопросами: «Где ты пропадал? Почему твой мобильный не отвечает?» Толиб сказал, что у телефона закончилась зарядка.

– К тебе несколько раз приходил участковый. Когда я спросил, что случилось, он мне не ответил, велел, чтобы ты, как бы поздно ни вернулся, сразу зашел к нему.

У Талиба появилось нехорошее предчувствие. Он подзарядил телефон, сунул его в карман и напрямик отправился в пункт полиции. Действительно, несмотря на поздний час, участковый был на месте. Толиб представился, ему предложили сесть. Спросили, обедал ли он сегодня вместе с Наргизой в ее комнате или нет. Толиб забеспокоился. Он поинтересовался, что произошло? Участковый велел: «Вначале прочтите заявление, потом поговорим».

В заявлении было сказано, что они, Наргиза и Толиб, обедали в комнате общежития. Наргиза при нем пересчитала деньги, которые давно копила, и убрала их в сумку. Когда они пообедали, пришла Лола. Чтобы проводить Толиба, Наргиза на некоторое время отлучилась из комнаты, а когда вернулась, обнаружила, что денег нет. Кроме Лолы, никого в комнате не было. Наргиза подозревает ее в краже. Она и раньше замечала за девушкой такие вещи, но поскольку счи-

тала ее подругой, скрывала это. Однако, на этот раз Лола перешла все границы.

Толиб читал заявление и сам не понимал, верить Наргизе или нет. Лолу он, можно сказать, не знал: они с ней раза два обменялись приветствиями и только. Вообще, это происшествие, к которому он вдруг оказался причастным, не укладывалось у него в голове. Он растерянно взглянул на участкового. «То, что мы вместе обедали в указанное время – правда. То, что в комнату вошла Лола, тоже правда. Но у меня нет сведений о накопленных Наргизой деньгах. Может, она действительно, пересчитала их, когда я сидел у нее в комнате, но я этого не видел. Поскольку я торопился в библиотеку, я мог не придать этому значения. И я не знаю, какие отношения у девушек, я видел Лолу всего два раза». «Гм, вот как?» – задумался участковый. Некоторое время спустя он посмотрел на Толиба взглядом человека, много повидавшего в жизни, и отпустил его домой.

Выйдя из полицейского участка, Толиб вспомнил, что несколько дней назад Наргиза сказала, что хочет купить себе новое платье и попросила у него денег. «Если у нее были накопленные деньги, почему она просила их у меня?» – подумал он и от предчувствия какой-то неприятности у него громко забилось сердце. Он тут же позвонил девушке, сказал, что ждет ее возле студенческого базара, что им срочно, прямо сейчас нужно поговорить. Девушка ответила, что занята и перезвонит ему завтра, когда у нее будет время, и от-

ключила телефон.

«Клевета на человека, сознательная или по неведению, считается большим грехом», – любил говаривать дед Толиба. Толиб представлял себе то Наргизу, то Лолу, расстроенный, вошел в комнату. До полуночи не мог уснуть, все думал, какой выход из этой ситуации будет правильным. Завтра он в лицо скажет Наргизе, что недавно она просила у него деньги и поэтому он не верит, что у нее были накопления. Посмотрим, что она скажет после этих слов. Больше всего его волновало то, что Наргиза обвиняла человека с его помощью. Что он может сделать, чтобы остановить ее? Если она не захочет измениться... то все, что ему известно о проделках Наргизы, он расскажет участковому. Успокоив совесть, Талиб под утро уснул.

Поздно проснувшись, Толиб даже не слышал, как его сосед ушел на занятия. Он услышал сильный стук в дверь. На пороге стоял сторож общежития. Он доложил, что внизу его ждет какой-то человек и ушел. Толиб быстро оделся и спустился вниз.

На скамье у входа в общежитие его поджидали Лола и какой-то хорошо одетый мужчина. Как только Толиб вышел, мужчина подошел к нему, представился как отец Лолы, поздоровался и отвел его в сторону. Глядя в глаза Толибу, он как будто хотел в чем-то убедиться. Наконец, заговорил:

– Родители, когда растят детей, всегда знают, на что способен их ребенок. Даже в известных, богатых семьях иногда

дети могут вырасти ворами. Клянусь, я не знаю, что произошло между Лолой и ее соседкой, однако я ни минуты не сомневаюсь, что моя дочь денег не брала. – Серьезно и с трепетом в голосе он продолжал. – Я готов заплатить, сколько требует Наргиза, но только по одной причине: я не хочу судиться, чтобы не нанести ущерб чести и достоинству моей дочери. Не зря говорят: «Если подол чапана коснулся плохого человека, отрежь подол и убегай подальше...» Не обижайтесь на мои слова, но Ваша подруга лжет и клеветет.

Говоря так, отец Лолы старался не задеть чувства Толиба. Парень видел, что его собеседник человек неглупый и непростой. Если на то пошло, Толиб знал, что из себя представляет Наргиза, и злился, что поневоле оказался замешанным в этой грязной истории.

– Вчера вечером Лола по телефону рассказала мне обо всем, – продолжал говорить отец Лолы. – Хотя у моей дочери есть деньги, она сказала, что готова сесть в тюрьму, но ни копейки не даст этой обманщице. Я с трудом уговорил дочь изменить решение. Всю ночь был в дороге и утром приехал к Вам. Если дело дойдет до суда, то мы сможем отстоять свою правоту, но, как я сказал, нам ни к чему плохая молва. Само судебное разбирательство вызовет шумиху. Цель моего приезда – отдать деньги Наргизе и забрать у участкового заявление, чтобы дело было закрыто. Я прошу Вас помочь уговорить свою девушку поскорее закончить эту историю.

Первой мыслью Толиба было сказать, что Лола права. Не

надо, чтобы эта ситуация оставалась тайной, нужно добиться справедливости. Пусть участковый передаст дело в суд. Но потом подумал: «А если Наргиза окажется виновной?»

– Вы все это сами скажете участковому. Он ведь тоже человек, все поймет... Мне самому будет стыдно, если дело дойдет до суда, – сказал Толиб.

Придя к такому решению, они направились в полицию. В это время как раз подошел участковый. Запустив всех в кабинет, он внимательно выслушал отца Лолы. Когда отец говорил, дочь плакала, но стоило отцу замолчать, Лола стала отрицать все сказанное: «Желая защитить меня от клеветы этой бессовестной, двуличной лгуньи, вы готовы на еще большее унижение». Участковый, не обращая внимания на спор дочери с отцом, набирал номер Наргизы. Телефон не отвечал. Тогда он вызвал одного из недавно назначенных помощников и велел хоть из-под земли достать девушку и привести сюда.

Толиб, который только вчера убеждал себя, что если Наргиза не заберет заявление, то он в качестве свидетеля расскажет всю правду, теперь же стал беспокоиться: «Если откроется, что это клевета, что будет?» – не понимая сам себя, он сидел мрачнее тучи.

Они с полчаса ждали Наргизу. В это время в кабинет зашел какой-то человек и стал громко кричать и жаловаться на то, что его сосед недавно купил машину. Несмотря на то, что соседу говорили, чтобы он не ставил машину у дома, тот, не

обращая внимания на просьбы, продолжает ставить машину под окнами. Человек написал заявление с просьбой принять меры и ушел. Наконец, в кабинет вошли молодой милиционер и Наргиза.

Девушка прошла мимо участкового и уселась напротив Толиба, не удостоив парня даже взглядом. Вскинув бровь, смотрела на участкового, как будто не понимая, зачем ее вызвали. Участковый посмотрел на отца Лолы. Тот, ни слова не говоря, лишь взглянул на Наргизу, вытащил из кармана пачку денег, положил ее перед девушкой. Наргиза оглядела присутствующих, по-прежнему с недоуменным взглядом от того, что здесь происходит. И вот тогда участковый обрел дар речи: «Возьмите, это потерянные вами деньги. Пересчитайте». Все замерли. Был слышен только шелест купюр. Убрав деньги в сумку, она сказала, обратившись к участковому: «Все верно».

Полицейский передал ей заявление:

– Порвите. Ваша проблема разрешилась. Надеюсь, что вы больше никогда не обратитесь к нам с подобными заявлениями, – с иронией сказал он.

Лола вновь заплакала от обиды. Ее отец тяжело вздохнул. Когда Наргиза порвала заявление, участковый произнес:

– Вы свободны.

Только тогда Наргиза повелительно взглянула на Толиба, как бы говоря: «Идемте». Сам не зная почему, Толиб посмотрел в глаза участковому. Взгляд участкового выражал к

нему глубокое презрение: «Иди за ней, дурак. Кроме нее, ты, видимо, никого не достоин». Тогда Толиб почувствовал, что в их глазах он с Наргизой одно целое. Молча, втянув голову, поплелся следом за ней. Его сердце снова обожгли слова деда: «Бог не простит ни на том, ни на этом свете человека, который оклеветал другого».

На улице, когда они остались вдвоем, Толиб остановился напротив девушки.

– Что это за проделка?! Два дня назад у тебя ведь не было денег! Откуда они вдруг взялись? – спросил Толиб раздраженно.

Наргиза вскинула бровь и, как ни в чем не бывало, сказала:

– Отец Лолы – богатый фермер. Другого способа выколачивать деньги у таких богачей, нет. К тому же, никто не почувствовал, что все было подстроено, – сказала она уверенно.

– Послушай меня, – разгорячился Толиб, – Они все догадались. Отец Лолы не довел дело до суда, чтобы не запятнать честь дочери. Но это не так важно. Главное, то, что ты оклеветала девушку. Клевета – большой грех. Пусть ты никого не боишься, побойся хотя бы Бога!

– Я наказала дочь богача. Она покупает все, что хочет, одевается, как хочет, задрала нос, считая себя лучше других. У нее есть деньги и на репетитора... Вот теперь пусть ходит с опущенной головой! Всем скажу! Знакомые, друзья – все

узнают об этом. По мне, пусть хоть она умрет от стыда.

Толиб никак не ожидал такого цинизма от девушки. Он вдруг почувствовал, что, как бы он ни противился, день ото дня она все ближе и ближе тянет его к пропасти. Когда он понял это, то застыл на месте.

Вот тогда и надо было порвать отношения. Но чувства к девушке все еще были сильны. Он не осмелился. И получил последний удар...

Толиб ехал на автобусе. Он сидел у окна, смотрел на улицу и вдруг заволновался. Встал с места, растолкав пассажиров, пробился к водителю:

– Пожалуйста, откройте дверь.

Водитель покачал головой, как бы говоря «запрещено» и сказал:

– Скоро подъезжаем к остановке.

Толиб побежал назад, потом пошел шагом. Нет, он не ошибся: это Наргиза, его Наргиза... Она стояла с незнакомым парнем в скрытом от глаз людей месте. Может, тот парень навязывается, пытается заморочить голову? Если так, Толиб расквасит ему нос и рот... Толиб не в первый раз видит такого щеголя. Но парень решил не торопиться, может, ситуация иная. Ведь это может быть знакомый, сокурсник или брат. Не надо сразу думать о плохом.

Прячась за деревьями, Толиб осторожно приблизился к ним. А эта парочка, взявшись под руку, спустилась на набережную и отправилась на прогулку вдоль Анхора. Толиб,

следовавший за ними, словно тень, понял: никакой он не знакомый, не сокурсник, вовсе не брат, может... Первой мыслью было объявиться перед ними, отвести душу в драке с этим парнем. Но в последнее время он так настрадался из-за выходок Наргизы, что подумал, она не достойна даже этого и унял свою прыть. Но он не мог просто развернуться и уйти. Он хотел увидеть, чем закончится это свидание, может, хотел во чем-то убедиться. Он следовал за ними. Вот тут и произошло то, что он ожидал (он что, ждал этого?) Парень остановился, обнял девушку за талию, прижал к груди, стал целовать в губы... Толиб превратился в ледяной памятник...

На какое-то время для него погасли все краски жизни. Он не находил себе места. Среди друзей ему хотелось вдруг остаться одному, когда же он оставался один, ему как будто не хватало воздуха. У него перехватывало дыхание, он сам себя не понимал, словно превратился в безумца, который махнул рукой на этот мир.

Как-то раз, сам не зная почему, он забрел в большой магазин электротоваров. Покупателей в нем не было. Молодой продавец подбежал к нему: «Чем я могу помочь?» Неопределенно помотав головой и все еще не понимая, зачем он зашел сюда, Толиб сел на стул напротив телевизоров, выставленных в ряд. Толиба вдруг привлек мультфильм на экране одного из них...

Бескрайнее поле. Крестьянин проводил борозды, сеял семена моркови, сделал чучело и поставил его посреди по-

ля. Осенью, после наступления холодов, крестьянин собрал морковь, а чучело, съездившись от мороза, продолжало стоять в опустевшем поле. Поднялся сильный ветер, чучело задвигалось, ожило. Ему стало тоскливо охранять опустевшее поле. Оно подняло свою растрепанную голову к небесам и спросило: «Почему ты так бессмысленно меня создал?» В это время в широком поле появился заяц. Прыгая из стороны в сторону, он стал подбирать оставшиеся на поле морковки и грызть их. Чучело наблюдало за ним со стороны, ему нравились пушистая шкурка и раскосые глаза зайца. «Бог ты мой, оказывается, могут быть и такие красивые создания», — с этого момента чучело полюбило зайца от всей души.

Затем чучело стало искать путь, чтобы любым способом удержать зайца на поле. Тот, ни о чем не подозревая, продолжал прыгать себе по полю в поисках моркови. Чучело отыскивало оставшиеся морковки и складывало их в кучку для зайца. С набитым животом, довольный, вечером заяц запрыгал в сторону дома.

На другой день заяц опять появился на поле. От радости чучело кружило вокруг него. Заяц был по-прежнему равнодушен, ему и в голову не приходило, что чучело полюбило его. Влюбленное чучело стало собирать морковь с других полей.

Однако, постепенно и соседние поля опустели. Чучело по-прежнему стояло посреди поля, дрожало от холода и ждало зайца. Но больше он не появился. И вот тогда он так громко

прокричал в небеса свою обиду, что задрожала вокруг земля. Поднялась сильная буря... Она сорвала голову чучела и разметала ее по сторонам...

Мультфильм шел всего пять-шесть минут, но произвел сильное впечатление на Толиба. Он искренне посочувствовал чучелу, а заяц... «Такие бесчувственные, глупые существа не достойны обиды», – прошептал он и вышел на улицу. Чуть задержался возле двери, в растерянности спросил себя: куда теперь идти? Тут же Толиб пришел к решению...

Тетя Соня что-то шила у окна. Она тут же отложила шитье на подоконник и тепло встретила Толиба:

– Заходи, мой родной.

– Здравствуйте, тетя Соня, – сказал он, стоя на пороге. Волновался, переживал, можно ли ему войти в комнату или нет.

– Заходи, что же ты, как чужой, стоишь на пороге?

Толиб хотел поздороваться за руку. Тетя Соня же обняла и поцеловала его в лоб. Стала приглашать в комнату.

Всю дорогу он мучился в сомнениях, примет его тетя Соня или закроет перед ним дверь. От столь радушного приема он покраснел и на душе у него посветлело. От избытка чувств на глаза даже набежали слезы...

Тетя Соня не стала ни о чем расспрашивать. Ей итак все было ясно.

– Я понимаю тебя, Толибчик. В молодости бывают такие

заблуждения, – сказала она, настраиваясь на откровенный разговор. – Только не принимай близко к сердцу ее измену. Она того не стоит. Хороших девушек много.

– Нет, довольно с меня. Уже никакая не нужна, – сказал Толиб, махнув рукой.

– Ты так не говори. У тебя все еще впереди.

Хозяйка пыталась поднять ему настроение. Толиб, опустив голову, слушал ее, но его истерзанное сердце не получало утешения от слов тети Сони. Он думал: «Никто не понимает моих переживаний».

– Только дожив до семидесяти лет, я поняла одну вещь, – перевела разговор тетя Соня. – Сердце требует одно, разум – другое. Я сильно ошибалась, прислушиваясь к голосу сердца. Когда муж Борис стал сильно пить, я говорила себе: «У него только один недостаток – пьянство», – и прощала его. Оказывается, я сама себя обманывала. Нужно было плюнуть на любовь, развестись, создать новую семью. Может быть, сейчас меня бы окружали мои дети и дети моих детей – внуки...

Хозяйка говорила об этом неслучайно. Она боялась, что в таком расстроенном состоянии Толиб мог помириться с Наргизой. Но она тревожилась зря. Как бы сильно Толиб не любил, не тосковал по девушке, но он никогда бы не смог забыть то, что видел возле реки. Каждый раз, когда его сердце снова начинало бунтовать, он напоминал себе о том, что видел. И сердце словно окатывало ледяной водой, его пыл

остужало...

Прошли годы, от молодого незрелого паренька, которого привел в этот дом отец, не осталось и следа. Толиб стал таким же, как он, высоким, широким в плечах, у него был серьезный взгляд. Он часто молча выслушивал собеседника, не поддавался его влиянию, твердо стоял на своих принципах. После института Толиб уже успел несколько лет поработать. Теперь тетя Соня перестала быть хозяйкой, у которой он снимал квартиру. Она стала для него вроде доброй матери, советчицы, которую он посвящал во все свои тайны. Она не брала с него денег за квартиру. Толиб взял на себя оплату коммунальных расходов, устранял неполадки, что-то ремонтировал, чинил, словом, на нем была вся мужская работа по дому.

Возраст тети Сони перевалил за восемьдесят. Как все старые люди, она стала капризной. Толиб же воспринимал это спокойно. Теперь он не злился, как раньше, улыбаясь, соглашался с ней, что бы она ни говорила. Видя, как она стареет на глазах, как часто мучает ее слабое сердце, он горевал: «Эх, матушка, моя дорогая матушка», – обнимал старушку. Их соседка, тетя Тоня, видя их отношения матери и сына, завидовала, говорила мужу Альфреду: «Когда мы постареем, нам тоже понадобится такая опора, как Толиб.

– Может, мы тоже приютим какого-нибудь студента, воспитаем его? – предлагала она мужу.

– Тонечка, не беспокойся зря! Даже если ты постареешь, я останусь молодым и всегда буду носить тебя на руках, – отшучивался Альфред, но сам в душе очень сильно хотел, чтобы рядом с ними был такой парень, как Толиб...

* * *

Будильник нервно прозвенел, а потом продолжил мерно отсчитывать секунды. Толиб, глядя на стрелки часов, лежал, прислушиваясь к утренней тишине, пытался вспомнить, когда у него появилась и как давно держится привычка размышлять по утрам. Раньше тетя Соня с утра пораньше включала на всю громкость телевизор, слушала новости и занималась домашними делами. Но в последние годы чуть ли не каждый день в новостях сообщали, что в какой-то стране началась война, а в другой продолжались военные действия. Тетя Соня тяжело переживала эти сообщения. Каждый раз, подойдя к иконам, крестилась и вслух говорила: «Неужели люди, развязавшие войну, не боятся Бога?» Даже днем, когда они с Толибом смотрели разные передачи, если там сообщали о катастрофах и войнах, она просила у него прощения, переключала телевизор на другой канал или вовсе его выключала.

Она не раз рассказывала парню про свои детские годы, которые пришлось на войну:

– Мне было девять, брату Леше – четыре, а младшему Ко-

ле— всего три года, когда вражеские самолеты со страшным гулом в течение недели бомбили наше село. Мы, дети, были на улице, когда бомба попала в наш дом. Мать и бабушка остались под обломками... Отец воевал на фронте, а мы, трое детей остались одни, без присмотра. До сих пор помню потемневшие от голода и страха глаза моих братьев. Хорошие люди нашли нас, посадили на поезд. Вот тогда мы и приехали в Ташкент.

Тетя Соня немного помолчала, тяжело вздохнула и продолжила свой рассказ:

— Нынешняя молодежь представить себе не может, что было. Из-за этой проклятой войны миллионы людей с севера были эвакуированы на юг и благодаря этому остались живы. Люди забыли об этом, а это плохо... Длинный-предлинный эшелон, на котором мы ехали, был переполнен дрожащими от холода и исхудавшими от голода детьми разных национальностей, стариками, ранеными. В вагоне можно было только сидеть, места, чтобы лежать, не было. Стоял ужасный смрад. Рядом с нами ехал раненый солдат. Однажды он уже лежал в ташкентском госпитале. Всю дорогу солдат пытался вселить в нас надежду:

— Ташкент — город хлебный. Вот увидите, все будет хорошо, вы досыта наедитесь хлеба! — он рассказывал казавшиеся нам сказочными перспективы. До сих пор помню, как у всех детей открывался рот, когда он говорил о молоке, меде, винограде, яблоках, абрикосах, дынях и арбузах... Мы вери-

ли в это всей душой и оживали... Позже, когда мы все это увидели своими глазами, то, что мы считали сказкой, для нас вдруг стало правдой. Великодушный узбекский народ прижал тогда к груди миллионы детей.

Но столько детей невозможно было определить в детские дома. На вокзале нас встречали жители Ташкента. Тысячи людей прямо с вокзала забирали детей к себе домой. Крепко держа братьев за руки, я стояла в очереди, чтобы пройти регистрацию. Высокая, худощавая, смуглая старушка, голова которой была туго стянута платком, подошла ко мне, сказала, что ее зовут Эшон ойим*.

Я не знала узбекского языка, но поняла, что она спросила: «Это твои братья?» Я кивнула. Эшон ойим вытащила из кармана три куска сахара, раздала нам. Затем взяла меня за руку, подвела нас к человеку, который составлял списки, что-то сказала ему. Нас тут же зарегистрировали, вручили старушке какую-то бумагу.

Она привела нас в один из домов в Старом городе. Эшон ойим жила здесь с единственной дочерью, Мактубой опа. Это была незамужняя женщина лет пятидесяти.

Войдя во двор, Эшон ойим что-то радостно стала рассказывать дочери. Дочь тоже обрадовалась и всех нас, одного за другим, стала обнимать и целовать. Со слезами на глазах гладила нас по голове. Как позже рассказывала Мактуба опа, мать тогда сказала ей: «Это мои внуки. Это твоя дочь и двое сыновей. Теперь я могу спокойно умереть. Теперь есть пар-

ни, которые поднимут на плечи погребальные носилки!» В то время все мужчины Узбекистана ушли на фронт, остались одни инвалиды и калеки, которые не годились для тяжелой работы.

Мактуба опа была похожа на мать: высокая ростом, заплетала свои густые тяжелые с сединой волосы в две косы. Она внимательно осмотрела нас большими красивыми глазами и сказала матери: «Можно, я искупаю своих детей?»

* * *

Толиб встал с постели. Его комната была первой у входа, затем шел санузел, небольшой коридор, по которому можно было пройти в гостиную, на кухню и застекленный балкон.

На балконе тетя Соня могла находиться часами. Там у нее был зимний сад. Когда одни растения отцветали, вслед за ними всходили другие. Здесь было всегда светло и свежо, сюда не доходил шум центральной магистрали, проходившей позади дома. На балконе стояли швейная машинка, небольшой книжный шкаф, рядом с ним – маленький письменный стол. С балкона дверь вела в гостиную. Здесь стоял диван, рядом с ним – два мягких кресла, напротив них – телевизор. На полу гостиной был расстелен большой хивинский ковер. Отсюда был проход на кухню, где стояли обеденный стол и два стула.

Толиб умылся, оделся и сел к столу на свое обычное место. Тетя Соня уже накрыла стол для завтрака.

– У Альфреда случился сердечный приступ, – рассказы-

вала она о своих соседях, как всегда делясь с утра новостями. – Мы с Тоней вызвали «скорую помощь». В больнице его сразу положили на операционный стол. По словам хирургов, если бы его привезли чуть позже, то вряд ли бы уже спасли.

– А как сейчас себя чувствует дядя Альфред?

– Уже лучше, но тебе ведь известно состояние Тони – она не может ходить по больницам. А еще ее матери нужно относить еду. Вчера она хотела попросить об этом тебя, что скажешь? – спросила хозяйка.

Через тюль настезь открытого окна Толиб задумчиво смотрел на поток машин на большой дороге. Он вспомнил, как они в прошлом году дружно отметили семидесятипятилетие дяди Альфреда и сказал:

– Вы же знаете, я всегда готов помочь тете Тоне и дяде Альфреду, – говоря это, он по привычке хотел подальше отдернуть тюль на окне.

– Ну, тогда хорошо. Теперь о бабке можно не беспокоиться, слава Богу, – похоже, тетя Соня осталась довольной.

Толиб посмотрел на нее с улыбкой и еще дальше оттянул тюль. Тетя Соня тоже по привычке шлепнула его по руке, задернула занавеску так, что улицу уже не было видно.

– Не понимаю, двенадцать лет я закрываю занавеску, а ты стараешься ее отодвинуть, – сказала она раздраженно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.